

**«ТАТАРСКИЙ БРАК» ВДОВЫ И МЛАДШЕГО БРАТА
АНДРЕЯ МСТИСЛАВИЧА ЧЕРНИГОВСКОГО**

Л.В. Воротынцев

*Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина
Елец, Российская Федерация
leonrus1245@mail.ru*

Цель исследования: выяснение причин и последствий конфликтной ситуации, возникшей в результате отказа родственников Андрея Черниговского заключить брак «по татарскому обычаю».

Материалы исследования: русские летописи и сборники древнерусского церковного права (Мерило праведное, Канонические ответы митрополита Иоанна II (1080–1089)), Кормчая Книга, княжеские уставы (Устав князя Ярослава о церковных судах) и духовные грамоты, Любецкий синодик, латинские и мусульманские источники.

Результаты и новизна исследования: требование Бату о заключении брака между вдовой и младшим братом казненного в Золотой Орде черниговского князя Андрея Мстиславовича «согласно обычаю татар» полностью соответствовало монгольскому обычному праву, однако вступало в резкое противоречие сразу с двумя каноническими запретами русского церковного права: запрету на браки лиц, находившихся в близком свойстве, и заключению брака без христианского венчания. Возможными реальными причинами вышеуказанного требования могли являться как желание властей Улуса Джучи исключить младшего брата князя Андрея из числа претендентов на черниговское княжение, так и стремление проверить политическую лояльность претендентов на наследство ранее казненного князя, а также устранение фактического двоевластия, вероятно, сложившегося в Черниговской земле после гибели предыдущего правителя княжества. Отказ брата и вдовы Андрея Черниговского выполнить требование Бату вызвал резкую реакцию ордынских властей, закончившуюся ритуалом насильственного бракосочетания, целью которого была демонстрация русским правящим элитам приоритета монгольских правовых норм.

Ключевые слова: «татарский брак», Андрей Черниговский, княжеская вдова, Бату, монгольская правовая культура, древнерусское церковное право

Для цитирования: Воротынцев Л.В. «Татарский брак» вдовы и младшего брата Андрея Мстиславовича Черниговского // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 771–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.771-783

Благодарности: Автор выражает глубокую признательность д.и.н. Павлу Ивановичу Гайденко за конструктивную критику и ряд ценных замечаний, высказанных в личном общении в ходе работы над статьей.

**THE “TATAR MARRIAGE” BETWEEN THE WIDOW
AND YOUNGER BROTHER OF ANDREI MSTISLAVICH OF CHERNIHIV**

L.V. Vorotyntsev

*Yelets State Ivan Bunin University
Yelets, Russian Federation
leonrus1245@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* To study Russian-Horde relations in the period of formation of Russian principalities' dependence on the Mongol Empire and the ulus of Jochi – a historical phase connected with a 1246 trip of a Russian prince and the widow of his elder brother to Batu. This elder brother, Prince Andrei, had been executed earlier by the Mongols. The aim of the work is to clarify the causes and consequences of the conflict situation that arose as a result of the refusal of Andrei of Chernihiv's relatives to permit a marriage “according to the Tatar custom”.

Research materials: Russian chronicles and collections of Church law (Just Measure, canonical answers of Metropolitan John II [1080–1089]), the so-called “Books of the Pilot”, princely statutes (Statute of Prince Yaroslav of the Church courts), religious letters, the Lyubetsky Synod, as well as some Latin and Muslim sources.

Results and novelty of the research: Based on an analysis of the information contained in Old Russian sources of Church law, chronicles, princely religious letters, the reports of the papal diplomat John of Plano Carpini and accompanying representatives of the Franciscan mission, C. de Bridia and Benedict of Poland, as well as sources containing information about the legal norms and customary law of the Mongols (e.g. the travel accounts of William of Rubruck, Marco Polo, and Ibn Battuta), the author comes to the following conclusions: Batu's demand for marriage between the widow and younger brother of the previously executed Prince Andrei Mstislavovich of Chernihiv “according to the custom of Tatars” fully corresponded to Mongol customary law. However, it came into sharp contrast with two canonical prohibitions of Russian Church law: the ban on marriages of closely related individuals and marriage without a Christian wedding. Possible practical reasons for the Mongol marriage demand could include the desire of the authorities of the ulus of Jochi to exclude the younger brother of Prince Andrei from the number of contenders to rule the Chernihiv Principality, the desire to test the political loyalty of applicants for the inheritance of the executed prince, and an aim to eliminate the dual rule which was ostensibly established in the Chernihiv Principality after the death of its previous ruler. The refusal of the brother and widow of Andrei of Chernihiv to comply with the Batu's demand caused a strong reaction of the Horde's authorities, ending in a ritual of forced marriage. This ritual was accompanied by a series of humiliating processes, one of the likely goals of which was to demonstrate to the Russian ruling elites the priority of Mongol legal norms over the legal norms of states that were politically dependent on the Jochids.

Keywords: Tatar marriage, Andrei of Chernihiv, princely widow, Batu, Mongol legal culture, old Russian Church law

For citation: Vorotyntsev L.V. The “Tatar Marriage” between the Widow and Younger Brother of Andrei Mstislavich of Chernihiv. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 771–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.771-783

Thanks: The author expresses his deep gratitude to Dr. Pavel Ivanovich Gaidenko for constructive criticism and a number of valuable comments made in personal communication during the work on the article.

Одним из последствий установления зависимости русских княжеств от Монгольской империи и Улуса Джучи в первой половине 40-х гг. XIII в. стало значительное возрастание влияния монгольской правовой культуры на поведенческие стереотипы русских князей, формирование которых в домонгольскую эпоху происходило на основе сословных традиций Рюриковичей и церковного права, определявших основные правила повседневно-бытовой культуры представителей древнерусской знати.

Политическая необходимость посещения русскими князьями или их сыновьями ставок монгольских правителей, придерживавшихся в XIII в. традиционных для кочевников Великой степи языческих культов [19, с. 28, 29, 94; 13, с. 128–129], подразумевала выполнение ряда установленных правил придворного этикета Чингизидов, а также норм Ясы и обычного права монголов.

В оценках составителей Галицко-Волынского летописного свода, а также автора «Сказания об убиении в Орде Михаила Черниговского и его боярина Феодора» монгольские ритуальные действия, установленные для русских князей в ставке правителей Улуса Джучи, предстают в крайне отрицательном образе языческого религиозного обряда («злого их бешения и кудешества») [22, стб. 807], активное сопротивление которому являлось высшей добродетелью для христианского правителя [26, с. 158–159].

Автор «Сказания об убиении...» соотносит мученическую кончину черниговского князя с его отказом выполнить монгольский обряд очищения, посредством прохождения между разоженных костров, а также совершить некий обряд поклонения солнцу и безымянным «идолам»: «...И доидоша до места, идеже бе накладень огнь со обе стране. Мнози же погани идяху сквозе огнь, и поклоняхуся солнцу и идоламъ. Волсви же хотеша Михаила вести и Феодора сквозь огнь. Михайль же и Феодоръ глаголаста имъ: “недостойтъ христианом ходити сквозе огнь, ни поклонитися, ему же ся сии кланяють...”» [26, с. 158]. В тоже время, по свидетельству одного из членов францисканской дипломатической миссии 1245 г. – брата Ц. де Бридиа, причиной казни Михаила Всеволодовича Черниговского стал отказ русского князя соблюсти дипломатическую церемонию поклонения изображению Чингизхана: «...недавно случилось так, что правитель Михаил, из великих князей Руси, когда он подчинился их власти и не захотел названному идолу кланяться, говоря, что это не дозволено христианам... было приказано бить его пятаком в грудь до смерти...» [30, с. 116–117]. Согласно сообщению Иоанна де Плано Карпини, Михаил согласился совершить ритуал прохождения между двух огней, но высказав неоднократный отказ совершить обряд почитания основателя Монгольской державы, навлек на себя гнев Бату и последовавшую за этим казнь [19, с. 29]. Расхождения в источниках не позволяют воссоздать точную картину произошедших событий. Тем не менее не вызывает сомнений тот факт, что вне зависимости от возможного политического подтекста требований, выдвинутых ордынскими властями к Михаилу Всеволодовичу, формальным поводом для вынесения смертного приговора послужил отказ черниговского князя совершить традиционную церемонию монгольского придворного этикета, которая трактовалась христианскими авторами как языческий религиозный обряд.

В 1246 г. в Орде был казнен еще один представитель династии черниговских Ольговичей – князь Андрей Мстиславович [23, стб. 31; 24, стб. 52]. Согласно свидетельству Иоанна де Плано Карпини, черниговский князь был

приговорен к смертной казни по обвинению в конокрадстве и торговле краденым: «Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова (Cherneglove), который находится в Руссии, был обвинен пред Бату в том, что уводил лошадей Татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все таки был убит» [19, с. 29–30]. По всей вероятности, смертный приговор Андрею Мстиславовичу был вынесен на основании одного из уложений обычного права кочевников – правилах наказания за угон скота. Сведения о практиковавшихся у монголов наказаниях за кражу лошадей содержатся в записках как европейских, так и мусульманских путешественников и дипломатов.

В частности, по сообщению Марко Поло, согласно обычаю татар: «...Кто украдет коня или что другое – тому за это смерть; мечом разрубает его; а кто может дать выкуп, заплатит против украденного в десять раз, того не убивают...» [13, с. 131]. Марокканский путешественник Ибн Баттута, описывая быт и обычаи кочевого населения Золотой Орды, отмечал, что: «...тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину и вместе с тем дать ему девять таких же [коней], а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают, как зарезывается овца» [6, с. 154].

Вместе с тем, заслуживает внимания тот факт, что согласно сообщению информатора Иоанна де Плано Карпини, реальных доказательств виновности черниговского князя в озвученном преступлении предоставлено не было, что позволяет высказать предположение о формальности предъявленных князю Андрею обвинений.

В этой связи допустимо высказать предположение о том, что действия ордынских властей в отношении русского князя имели политическую подоплеку и были обусловлены неприятием Джучидами кандидатуры Андрея в качестве правителя Черниговского княжества. Вероятным объяснением такого неприятия может служить династическая принадлежность Андрея Мстиславовича. В отечественной историографии не сложилось однозначного мнения, к какой из ветвей черниговского дома принадлежал казненный в Орде князь [12, с. 136]. По наиболее аргументированной версии, он мог являться сыном Мстислава Святославовича Черниговского, погибшего в битве на Калке в 1223 г. [21, стб. 446]. Основанием для подобного предположения является содержащаяся в Елецком и Северском синодиках информация о том, что один из старших сыновей вышеуказанного черниговского князя носил имя **Андрей** и по возрасту мог занимать княжеский престол в 40-х гг. XIII в. [5, с. 25; 29, с. 39, 41]. Учитывая, что Мстислав Святославович принимал активное участие в боевых действиях против монгольских войск, у Бату могли иметься обоснованные сомнения в политической лояльности его сыновей. Данное обстоятельство, с учетом выдвинутых обвинений, могло сыграть роковую роль в дальнейшем развитии событий.

Через некоторое время после гибели Андрея Мстиславовича в ставку Бату прибывает младший брат погибшего черниговского князя «с женою убитого... с намерением упросить его (Бату – *В.Л.*) не отнимать у них земли...» [19, с. 30]. Если признать как верную гипотезу о том, что казненный монголами в 1246 г. Андрей Мстиславич являлся старшим сыном Мсти-

слава Святославовича, то княжичем, приехавшим в ставку Бату с вдовой казенного, мог являться один из двух его младшим братьев – Иоанн или Гавриил, также упоминаемые в синодальных списках [5, с. 25; 29, с. 39, 41].

Следует отметить, что посещение ставки правителя Улуса Джучи вдовой казенного князя является единственным письменно зафиксированным случаем в истории русско-ордынских отношений. В то же время, Иоанн де Плано Карпини упоминает среди представителей знати зависимых от монголов государств, присутствовавших в ставке великого хана Гуюка в 1246 г.: «...вдову сына царя Грузии» [19, с. 75]. К сожалению, ввиду отсутствия дополнительной информации в источниках, определить цель приезда принадлежавшей к правящему царственному дому грузинской вдовы в ставку монгольского кагана не представляется возможным.

Столь же затруднительным является и определение цели посещения ставки Бату вдовой Андрея Мстиславовича. Основываясь на анализе положений древнерусского церковного права, допустимо высказать следующие гипотезы. Одним из вероятных объяснений поездки черниговской княгини в Орду могло являться стремление вдовы сохранить наследственные права на часть удела погибшего мужа. Об этом, в частности, может указывать упоминание в сообщении Иоанна де Плано Карпини неких «земель», сохранение административно-фискального контроля за которыми, согласно свидетельству папского дипломата, и являлось основной целью приезда наследников казенного. Характерно, что нормы древнерусского права допускали наследование княжескими и боярскими вдовами недвижимого имущества (в том числе и земельных уделов) умерших князей «в кормлю». В письменных источниках сохранилось 36 сообщений и актовых материалов, в которых встречаются упоминания о наследовании знатными женщинами уделов после смерти мужа. Из них 5 документов являются завещаниями земельных уделов и другого имущества великим княгиням, 9 – удельным княгиням [1, Т. I. № 472, 562, Т. II. № 184, 264, Т. III. № 256; 3, № 1, 3, 4, 12, 17, 20, 61, 71, 84, 86, 98].

Согласно древнерусским правовым нормам, имущественные права княжеских вдов сохранялись исключительно в случае сохранения их вдовьего статуса «до живота» (т.е. до смерти). Выходя замуж повторно, знатная женщина теряла права на наследство покойного мужа: «А поидет замуж, иное и не дати участок ничего, и участка ей в земле нет» [3, № 61, 98]. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что вдовы погибших или умерших русских князей, как правило, не выходили повторно замуж, предпочитая сохранять свой вдовый статус, гарантировавший возможность владения наследственным уделом. По наблюдению А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского в русских летописях, относящихся к домонгольскому времени, нет ни одного свидетельства, согласно которому русский князь-христианин взял бы в жены вдову другого русского князя [10, с. 12–13].

Еще одной гипотезой, позволяющей объяснить причину приезда овдовевшей супруги князя Андрея в ставку Бату, является предположение о том, что она могла исполнять функции регентши черниговского престола до возможного утверждения правителем Улуса Джучи княжеских полномочий деверя (брата мужа). Примеры женского регентства княжескими вдовами при несовершеннолетних сыновьях прослеживаются в сообщениях русских летописных источников, относящихся к домонгольской эпохе. Первой из таких регентш являлась вдова киевского князя Игоря Старого, Ольга, взявшая

властные полномочия по управлению княжеством после гибели мужа в 945 г. при малолетнем сыне Святославе Игоревиче [20, с. 40–45; 22, стб. 43–46, 48–49]. В 1209–1226 вдова князя Романа Мстиславича, Анна («великая княгиня Романова»), играла весьма значимую роль в политической борьбе за Галицко-Волынский стол, развернувшейся после смерти ее мужа в 1205 г. [22, стб. 718, 721, 727]. Фактически Анна являлась соправительницей своих сыновей Даниила и Василька по крайней мере до 1215 г. Именно в этом году Ипатьевская летопись отмечает прибытие литовского посольства: «...къ великой княгине Романове, и Данили и Василькои...» с целью заключения мирного договора [22, стб. 735; 20, с. 38].

Однако из-за отсутствия в источниках сведений о наличии у Андрея Мстиславича Черниговского наследников мужского пола предположение о регентстве вдовы является лишь гипотезой, основанной на логических допущениях и исторических аналогиях.

Во время пребывания в ставке Бату младшему брату Андрея Черниговского было выдвинуто условие, «...чтобы он взял в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья согласно обычаю татар» [19, с. 30]. Черниговский княжич первоначально отверг требования ордынского правителя, заявляя, «...что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону». Несмотря на отказ: «...Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее (вдову Андрея – *В.Л.*) и принудили их одинаково совокупится сочетанием не условным, а полным» [19, с. 30].

В отчете францисканского монаха Бенедикта Поляка, являвшегося одним из участников дипломатической миссии Иоанна де Плано Карпини, данный эпизод описывается несколько иначе: «...они (монголы – *В.Л.*) принудили младшего брата князя Андрея (убитого ими по ложному обвинению) взять в жены вдову брата, уложив их на одно ложе в присутствии других людей» [30, с. 118]. Разногласие в сообщениях источников не позволяет сделать однозначное заключение о том, носил ли обряд бракосочетания по «татарскому обычаю» формальный характер, или же сопровождался реальными сексуальными действиями «новобрачных».

Рассматривая действия ордынских властей в контексте обычного права кочевников, следует отметить, что традиция заключения повторного брака вдовой с братом покойного мужа прослеживается со времен эпохи хунну (II в. до н.э.). По сообщениям китайских источников, вдова старшего брата становилась после его смерти или гибели женой младшего, который брал на себя обязательства заботы о ней и ее детях от первого брака [2, с. 40]. Существование аналогичной традиции у монголов фиксируется в сообщениях целого ряда нарративных источников [19, с. 26–27; 13, с. 128; 6, с. 335].

Так, согласно свидетельству Марко Поло: «Женятся они (монголы – *В.Л.*) на двоюродных сестрах, умрет отец, старший сын женится на отцовой жене, коли она ему не мать; **по смерти брата – на его жене**. На свадьбах пир бывает большой» [13, с. 128]. Иоанн де Плано Карпини отмечает норму обычного права монгольских кочевников, согласно которой младший брат был обязан взять в жены вдову умершего старшего брата: «...они (монголы – *В.Л.*) могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами за исключе-

нием матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу. А также на женах отца после его смерти они могут жениться. **А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться...**» [19, с. 27].

Вместе с тем следует отметить, что вдова великого хана Угедэя – Туракина, равно как и вдова кагана Гуюка – Огул-Гаймиш, бывшие регентшами ханского престола после смерти мужей в 1242–1246 и 1248–1251 гг. соответственно, не заключали повторного брака, хотя на момент смерти кагана Угедэя был жив не только его родной брат – Чагатай (1185–1242), на правах хранителя Ясы одобривший регентство Туракины [4, с. 166; 33, р. 240], но и многочисленные племянники и сыновья Угедэя от других жен, которые имели формальное право на заключение брака с вдовой умершего великого хана. Регентство вдовы великого хана Гуюка – Огул-Гаймиш, вступившей во временное управление Эке Улусом в 1248 г. было также одобрено Бату, как старейшим представителем (ака) правящего рода Борджигин, без указания на заключение вдовой повторного брака с одним из младших братьев, племянников или пасынков мужа [4, с. 181; 33, р. 263]. Старшая жена самого Бату – Боракчин-хатун, после смерти мужа вышла замуж за пасынка (сына покойного супруга от другой жены) – Тукана [27, с. 150]. Однако вдова золотоордынского хана Менгу-Тимура – Джиджек-хатун, казненная по приказу Ногая около 1291–1292 г., по сообщению арабского хрониста Бейбарса: «..правила [государством]... в царствование [своего сына] Туда-Менгу», не заключая повторного брака с кем-то из родственников покойного мужа [27, с. 109]. Не заключала повторного брака и вдова хана Узбека – Тайдула-хатун, оказывавшая большое влияние на политические процессы в Улусе Джучи после смерти мужа.

На основании вышеизложенных фактов можно сделать закономерный вывод о том, что в среде кочевых племен Великой степи обычай заключения брака между вдовой и младшим братом (или иным младшим родственником умершего) являлся распространенным и желательным, однако не носил обязательного характера, по крайней мере, для представителей монгольской аристократии и «Золотого рода» (Чингизидов).

В тоже время, согласно нормам древнерусского канонического права, не допускались браки между людьми, находящимися не только в кровном родстве, но и в каком либо свойстве между собой. По церковным законам, свойство возникало посредством брака, в результате которого жена и ее родственники считались в свойстве с родственниками мужа. «Устав о брацех», входивший в состав русских Кормчих XIII–XV в., запрещал браки между одним овдовевшим супругом и кровными родственниками другого на основании решения Собора 997 г. Также запрещались браки между родственниками до шестой степени родства [14, л. 219–226; 17, с. 109; 15, с. 38–41].

В данном вопросе правила древнерусского церковного права, регулировавшие семейные отношения, вступали в явное противоречие с установками обычного права монголов, где отсутствовало понятие «свойства». Согласно свидетельству Гильома де Рубрука: «Они (монголы – *В.Л.*) соблюдают первую и вторую степени родства, **свойства же не признают ни в какой степени.** Именно они женятся вместе, или последовательно на двух сестрах» [19, с. 101].

Помимо этого, необходимым условием признания законности христианского брака являлось венчание, о котором в условиях принуждения к брачным отношениям, описанных Иоанном де Плано Карпини и Бенедиктом По-

ляком, не могло быть и речи. Борясь с пережитками дохристианских обычаев «играния» свадеб «без попа», в сводах канонических уложений Русской православной церкви четко обозначалась «беззаконность» брака, заключенного вне пределов христианского церковного обряда: «без венчания женитва беззаконна есть и неблагословенна и нечиста...» [16, 267, стб. 5; 11, с. 115, стб. 11; 31, с. 104; 32, с. 285–287]. Данное обстоятельство придавало монгольскому брачному обычаю дополнительный элемент «беззакония».

Таким образом, требование Бату о заключении брака между вдовой и младшим братом Андрея Черниговского, противореча русским нормам, полностью соответствовало обычному праву монголов. В таких условиях даже потенциальное согласие родственников казненного черниговского князя принять условия, выдвинутые правителем Улуса Джучи, вступало бы в абсолютное противоречие с церковными законами и мировоззренческими установками представителей русской знати той эпохи.

Попытка объяснить действия ордынских властей в отношении представителей черниговского княжеского дома была предпринята Р.Ю. Почекаевым, высказавшем предположение о том, что, целью Бату являлась политическая дискредитация младшего брата князя Андрея с целью аннулирования его законных прав на получение ярлыка [18, с. 196].

Однако возможны и иные варианты трактовки событий вышеописанного инцидента. Настойчивость властей Улуса Джучи в принуждении к заключению брачного союза «согласно обычаю татар» (т.е. обычному праву монголов) можно объяснить стремлением проверить политическую лояльность черниговского княжича. Принимая во внимание тот факт, что Джучиды незадолго до описываемых событий уже дважды сталкивались с нарушением этикетных установок и правовых норм представителями черниговского княжеского дома (Михаилом Всеволодовичем и Андреем Мстиславовичем), действия правителя Ордынского государства представляются в значительной степени оправданными или, по меньшей мере, логичными.

Вторым вероятным вариантом объяснения действий Бату в отношении представителей одного из южнорусских княжеских домов могло быть стремление привести систему административно-политической власти в Черниговском княжестве в соответствии с представлениями властей Улуса Джучи, ликвидировав то двоевластие, которое, вероятно, возникло после казни князя Андрея. Косвенным подтверждением подобного двоевластия является совместная поездка брата и вдовы казненного в ставку Бату.

В последовавшем акте насильственного бракосочетания по «татарскому», то есть языческому обряду прослеживается стремление властей Улуса Джучи посредством публичного унижения и лишения князя чести продемонстрировать правящим элитам русских княжеств последствия несоблюдения монгольских правовых норм и этикетных установок, а также подчеркнуть приоритет монгольских законов перед нормами русского церковного и обычного права.

Следует отметить еще один аспект «татарского брака» родственников черниговского князя. Вдова и младший брат Андрея Мстиславовича, формально являясь нарушителями брачных и сексуальных норм древнерусского церковно-канонического права [31, с. 86–91], тем не менее не попадали ни в одну из категорий преступников, в отношении которых могли быть применены меры карательного воздействия. Согласно правилам брачных отношений, действо-

вавших на территории русских княжеств, грех прелюбодеяния, совершенного в результате насилия, жертве насилия в вину не вменялся [7, с. 18, стб. 26]. Церковный запрет совместного проживания двух братьев с одной женой также не соответствует ситуации «татарского брака», поскольку подразумевает наличие в живых обоих братьев [28, с. 88, стб. 27]. Таким образом, брат и вдова Андрея Черниговского, как жертвы насилия иноверцев, вероятнее всего, не могли быть подвергнуты церковному наказанию [28, с. 86–88, стб. 13–28].

Последующая судьба вышеуказанных представителей черниговского княжеского дома не прослеживается в источниках. Исходя из того, что следующим упоминаемым в источниках черниговским князем является представитель другой ветви Ольговичей, допустимо предположить, что родственники Андрея Мстиславовича добровольно отказались (или были отстранены) от наследования Черниговского стола и, вероятно, приняли монашеский постриг.

Прямым свидетельством сохранения черниговского престола за представителями одного из представителей дома Ольговичей после драматических событий 1246 г. является упоминание в записках Иоанна де Плано Карпини некоего «посла» черниговского князя, выехавшего с папским посольством из ставки Бату с русскими князьями: «И при выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю Татар, и его товарищей и живущего поныне князя Олоха (Oloha) и его товарищей. С нами из Комании выехал так же **посол князя Черниговского** и долго ехал с нами по Руссии» [19, с. 26–27].

К сожалению, папский дипломат не указывает имени черниговского князя, посол которого, по всей вероятности, направлялся из Орды (Комании) в земли Галицко-Волынского княжества вместе с посольством Иоанна де Плано Карпини. Р.В. Зотов высказал предположение о том, что безымянным черниговским князем записок Иоанна де Плано Карпини мог являться неизвестный по летописным источникам, но упоминаемый в Любецком синодике Лаврентий-Всеволод Ярополчич Черниговский [5, с. 26]. Косвенным доказательством пребывания этого князя на черниговском престоле может служить сообщение Ипатьевской летописи от 1261 г. о женитьбе черниговского князя Андрея Всеволодича на дочери волынского князя Василька Романовича: «...в лето 6769 (1261)...свадьба бысть у Василка князя у Володимере городе: поча отдавати дщерь свою Олгу за Андреа князя Всеволодича, Чернигову» [22, стб. 848]. Указанное летописное свидетельство позволяет высказать достаточно обоснованное предположение о том, что князь Андрей Всеволодич, правивший в Чернигове в начале 60-х гг. XIII в., являлся сыном Всеволода Ярополчича, получившего ярлык на черниговское княжение после 1246 г.

Политическая нестабильность, вызванная событиями 1245–1246 гг., привела к усилению процесса дезинтеграции Черниговского княжества, начавшегося еще в домонгольскую эпоху. Согласно ряду сообщений московских родословных росписей, уже в 40-х гг. XIII в. происходит распад Черниговской земли на отдельные, фактически независимые удельные княжества – Брянское, Глуховско-Новосильское, Карачевское и Тарусское [25, с. 41, 111–112]. Во второй половине XIII в. выделяются в самостоятельные княжения Стародубский, Рылский и Курский уделы, правители которых совершали неоднократные поездки в ставки ордынских ханов [5, с. 27, 28; 8, с. 5–57; 9, с. 7–39].

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что на начальном этапе становления русско-ордынских отношений поведенческие ус-

тановки представителей русской правящей элиты нередко вступали в противоречие с правовыми обычаями Великой степи, зачастую используя Джучидами в политических целях. В ряде случаев эти противоречия перерастали в конфликтные ситуации, завершавшиеся актами насильственного публичного унижения или гибелью отдельных представителей русских княжеских династий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952–1964. 443 с.
2. Бичурин Н.Я. (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. I. М.; Л.: Институт этнографии Миклухо-Маклая, 1950–1953. 656 с.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.: Издательство АН СССР, 1950. 585 с.
4. Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Издательский дом «Магистр-Пресс», 2004. 689 с.
5. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и Черниговском княжестве въ татарское время. СПб., 1892. 379 с.
6. Ибн Баттута. Подарок наблюдателям по части диких стран и чудес путешествий // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 150–177.
7. Канонические ответы митрополита Иоанна II (1080–1089) // Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 6. Ч. 1. С. 18.
8. Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. 1996. Вып. 1. С. 5–57.
9. Кучкин В.А. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовечского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории (сборник статей). Липецк: Издательство Липецкого государственного педагогического университета, 1996. С. 7–39.
10. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: Матримониальные стратегии и легенды власти // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб.; Казань, 2014. Вып. 1. С. 7–20.
11. Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. 574 с.
12. Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносов, 2017. 272 с.
13. Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 576 с.
14. «О брацах расужения» (Сде известно разделение възбраненных браков и законных) // Мерило праведное. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. Фонд 304. I. Л. 219–226.
15. Омелянчук С.В. Условия заключения христианского брака в Древней Руси // История государства и права. 2011. № 24. С. 48–51.
16. Памятники русского права. Вып. I. Памятники права Киевского государства. М.: Госюриздат, 1952. 287 с.
17. Павлов А.А. 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887. 462 с.
18. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. СПб.: АСТ Евразия, 2007. 350 с.
19. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 287 с.
20. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.

21. Полное собрание русские летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 379 с.
22. Полное собрание русские летописей. Т. II. Т. II: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 638 с.
23. Полное собрание русские летописей. Т. XV. Рогожский летописец. М., 1965. 390 с.
24. Полное собрание русские летописей. Т. XVI. Летопись Авраамки. М., 2000. 252 с.
25. Редкие источники по истории России. Вып. 2. М.: Институт истории СССР, 1977. 186 с.
26. Сказание об убийстве в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 5. С. 158–159.
27. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 563 с.
28. Устав князя Ярослава о церковных судах // Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. Ст. 27. С. 88.
29. Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. Чернигов, 1874. 992 с.
30. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы Францисканской миссии 1245 г. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.
31. Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. 240 с.
32. Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 340 с.
33. Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.

Сведения об авторе: Леонид Вячеславович Воротынцев – научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Поступила 27.08.2020 Принята к публикации 30.11.2020
Опубликована 29.12.2020

REFERENCES

1. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v.* [Acts of Socio-economic History of Northeastern Rus' from the late fourteenth to early sixteenth century]. Moscow, 1952–1964. 443 p. (In Russian)
2. Bichurin N.Ya. (Iakinf) *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevneyshie vremena* [Collection of Information about the Peoples Who Lived in Central Asia in the Most Ancient Times] Vol. 1. Moscow; Leningrad: Miklouho-Maclay Institute of Ethnography, 1950–1953. 656 p. (In Russian)
3. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey* [Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1950. 585 p. (In Russian)
4. Juvaini Ata-Malik. *Chinggis Khan. The History of the World-Conqueror*. Moscow: Magister-Press. 2004. 689 p. (In Russian)
5. Zotov R.V. *O chernigovskikh knyaz'yakh" po Lyubetskomu sinodiku i Chernigovskom knyazhestve v" tatarskoe vremya* [About Chernihiv Princes according to the

Lyubetsky Synodik and Chernihiv Principality during the Tatar Time]. St. Petersburg, 1892. 379 p. (In Russian)

6. Ibn Battuta. Podarok nablyudatelyam po chasti dikovin stran i chudes puteshestviy [A Masterpiece to those who contemplate the wonders of cities and the marvels of traveling]. *Stanovlenie i rastsvet Zolotoy Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359 gg.)* [Formation and Flowering of the Golden Horde. Sources on the History of the Ulus of Jochi (1266–1359)]. Kazan, 2011, pp. 150–177. (In Russian)

7. Kanonicheskie otvety mitropolita Ioanna II (1080–1089) [Canonical answers of Metropolitan John II (1080–1089)]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. St. Petersburg, 1908, vol. 6, part 1, p. 18. (In Russian)

8. Kuchkin V.A. Letopisnye rasskazy o slobodakh baskaka Akhmata [Chronicle stories about the settlements of baskak Akhmat]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. 1996, iss. 1, pp. 5–57. (In Russian)

9. Kuchkin V.A. Letopisnye rasskazy s upominaniem knyazya Svyatoslava Lipovechskogo: istoriografiya, drevneyshie teksty, khronologiya i geografiya sobytiy [Chronicle stories with mention of Prince Svyatoslav Lipovechsky: historiography, most ancient texts, chronology, and geography of events]. *Lipetsk: nachalo istorii (sbornik statey)* [Lipetsk: The Beginning of History (collected articles).] Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 1996, pp. 7–39. (In Russian)

10. Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Znatnaya vdova v srednevekovoy Skandinavii i na Rusi: Matrimonial'nye strategii i legendy vlasti [The noble widow in medieval Scandinavia and in Rus': Matrimonial strategies and legends of power]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Old Rus': In time, in Personalities, in Ideas]. St. Petersburg; Kazan, 2014, iss. 1, pp. 7–20. (In Russian)

11. Smirnov S.I. *Materialy dlya istorii drevnerusskoy pokayannoy distsipliny* [Materials for the History of Old Russian Penitential Discipline]. Moscow, 1912. 574 p. (In Russian)

12. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya pri dvore khanov Zolotoy Ordy* [Russian Princes at the Court of the Khans of the Golden Horde]. Moscow: Lomonosov, 2017. 272 p. (In Russian)

13. Marco Polo. *Kniga o raznoobrazii mira* [Book of the Marvels of the World]. St. Petersburg: ABC-Atticus, 2018. 576 p. (In Russian)

14. “O bratsekh rasuzheniya” (Sde izvestno razdelenie v"zbranennnykh brakov i zakonnykh) [Clarification on marriages: Here the difference between illegal and legal marriages is clarified]. *Merilo pravednoe. Glavnoe sobranie biblioteki Troitse-Sergievoy Lavry* [Righteous Measure. The Main Collection of the Trinity-Sergius Lavra's Library]. Fund 304. I, fol. 219–226. (In Russian)

15. Omel'yanchuk S.V. Usloviya zaklyucheniya khristianskogo braka v Drevney Rusi [Conditions for the conclusion of a Christian marriage in old Rus']. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law]. 2011, no. 24, pp. 48–51. (In Russian)

16. *Pamyatniki russkogo prava*, Vyp. I: *Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva* [Monuments of Russian Law, Vol. I: Monuments of the Law of the Kyivan State]. Moscow: State legal publishing house, 1952. 287 p. (In Russian)

17. Pavlov A.A. *50-ya glava Kormchey Knigi kak istoricheskiy i prakticheskiy istochnik russkogo brachnogo prava* [The Fiftieth Chapter of the Pidalion as a Historical and Practical Source of Russian Marriage Law]. Moscow, 1887. 462 p. (In Russian)

18. Pochekaev R.Yu. *Batyy. Khan, kotoryy ne byl khanom* [Batu. The Khan Who Was Not a Khan]. St. Petersburg: “Eurasia”, 2007. 350 p. (In Russian)

19. *Puteshestvie v Vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of John of Plano Carpini and William of Rubruck]. Moscow: State publishing house of geographical literature, 1957. 287 p. (In Russian)

20. Pushkareva N.L. *Zhenshchiny Drevney Rusi* [Women of Old Rus']. Moscow: “Thought”, 1989. 286 p. (In Russian)

21. *Polnoe sobranie russkie letopisey*, Tom I: *Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 1: Laurentian Chronicle]. Leningrad, 1926–1928. 379 p. (In Russian)

22. *Polnoe sobranie russkie letopisey*, Tom II/2: *Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 2/2: Hypatian Chronicle]. St. Petersburg, 1908. 638 p. (In Russian)

23. *Polnoe sobranie russkie letopisey*, Tom XV: *Rogozhskiy letopisets* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 15: Rogozhsky Chronicle]. Moscow, 1965. 390 p. (In Russian)

24. *Polnoe sobranie russkie letopisey*, Tom XVI: *Letopis' Avraamki* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 16: Avraamka's Chronicle]. Moscow, 2000. 252 p. (In Russian)

25. *Redkie istochniki po istorii Rossii* [Rare Sources on the History of Russia]. Iss. 2. Moscow: Institute of History of the USSR, 1977. 186 p. (In Russian)

26. Skazanie ob ubienii v Orde knyazya Mikhaila Chernigovskogo i ego boyarina Feodora [The legend of the murder of Prince Michael of Chernihiv and his boyar Theodore in the Horde]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Old Rus']. St. Petersburg: "Science", 2000, vol. 5, pp. 158–159. (In Russian)

27. Tiesenhauzen V.G. *Sbornik materialov, otosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*, Tom I: *Izvlacheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde, Vol. 1: Extracts from Arabic Works]. St. Petersburg, 1884. 563 p. (In Russian)

28. Ustav knyazya Yaroslava o tserkovnykh sudakh [The Statute of Prince Yaroslav on the Church courts]. *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian Princely Statutes from the eleventh to fifteenth century]. Shchapov Ya.N. (ed.). Moscow: "Science", 1976, § 27, p. 88. (In Russian)

29. Filaret (Gumilevskiy). *Istoriko-statisticheskoe opisanie Chernigovskoy eparkhii* [Historical and Statistical Description of the Chernihiv Diocese]. Book 5. Chernihiv, 1874. 992 p. (In Russian)

30. *Khristianskiy mir i "Velikaya Mongol'skaya imperiya"*. *Materialy Frantsiskanskoy missii 1245 g.* [The Christian World and the "Great Mongol Empire". Materials of the Franciscan Mission of 1245]. St. Petersburg: "Eurasia", 2002. 478 p. (In Russian)

31. Shchapov Ya.N. *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian Princely Statutes from the eleventh to fifteenth century] Moscow: "Science", 1976. 240 p. (In Russian)

32. Shchapov Ya.N. *Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevney Rusi XI–XIV vv.* [Princely Statutes and the Church in old Rus' from the eleventh to fourteenth century]. Moscow: "Science", 1972. 340 p. (In Russian)

33. Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.

About the author: Leonid V. Vorotyntsev – Research Fellow of Yelets State Ivan Bunin University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

*Received August 27, 2020 Accepted for publication November 30, 2020
Published December 29, 2020*